

Николай Алексеевич ОСТРОВСКИЙ

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Николай Алексеевич Островский родился в 1904 году в местечке Шенетовка, Изяславского уезда, Волынской губернии, в семье железнодорожного рабочего. В раннем возрасте он лишился отца. С тех пор семья кое-как существовала на заработок матери и старшего брата-слесаря железнодорожного депо.

В 1915 году 11-летнего мальчика Николая Островского изгнали из церковно-приходской школы за постоянные неадекватные поступки, он с большим трудом устроился на работу в станционном буфете. С этого времени началась его трудовая жизнь. Он работает кубовщиком, рабочим на складе, подручным кочегаром на электростанции.

В 1919 году Николай Островский вступает в комсомол и становится в ряды отважных бойцов за освобождение Украины от немецких и польских оккупантов. Он участвует в гражданской войне в южных частях Котовского и Буденного. Под Львовом Н. А. Островский получает тяжелое ранение. Но это лишь на время выводит из строя мужественного борца. Он демобилизуется только по окончании гражданской войны.

В 1921 году Н. А. Островский работает в Киеве, в главных железнодорожных мастерских, а в 1922 году — на ударном строительстве железнодорожной ветки. Здесь он заболевает тифом. Тяжелая болезнь дает осложнение. После выздоровления Н. А. Островский направляется комиссаром батальона войск внутренней охраны в пограничный Березовский район.

Начиная с 1924 года, когда Н. А. Островский вступает в ряды большевистской партии, он в течение нескольких лет находится на руководящей комсомольской работе. В 1927 году ЦК комсомола Украины принимает все меры, чтобы восстановить сильно пошатнувшееся здоровье Н. А. Островского и дать ему возможность с новыми силами приступить к работе. В полной мере это не удается. Н. А. Островский работает пропаганди-

стом, ведет марксистско-ленинские кружки. Все свободное время он отдает усердной работе над собой.

Походы, напряженная организаторская и пропагандистская работа, последствия старой раны и тифа вызывают тяжелое заболевание, в результате которого Н. А. Островский лишается зрения.

Но бодрость духа и кипучая энергия ни на минуту не оставляют славного борца за социализм. В 1928 году начинается литературная деятельность Н. А. Островского.

«Физически потерял почти все, остался только неистощимая энергия молодости и страстное желание быть чем-нибудь полезным своей партии и своему классу», — пишет Н. А. Островский в своей автобиографии. Свои силы он отдает созданию романа «Как закалялась сталь», который выходит в 1932 году. Его первый роман, высоко оцененный партией и правительством, всей трудящейся молодежью Советского Союза, быстро стал одной из любимых книг в нашей стране. Он переведен на многие языки народов СССР, а также и на иностранные языки.

Первого октября 1935 года Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР награжден Н. А. Островского орденом Ленина.

Высокая награда правительства дала писателю новые силы для дальнейшей работы. Герой гражданской войны, потерявший здоровье в борьбе за советскую власть, Н. А. Островский, будучи больным, ни на минуту не прекращал бороться за социализм оружием художественного слова. До последнего момента он был занят творческой работой над новым романом «Рожденные бурей».

Николай Островский отдал все лучшие годы своей жизни беззаветной борьбе за социализм. Достойный сын своей великой социалистической родины, он был безразлично предан делу партии Ленина — Сталина.

Пламенная жизнь

Николай Островский! Это имя стало родным и любимым для миллионов читателей. Писатель и его герой слились воедино в сердце советского человека, как один героический, пламенный, зовущий образ.

Работники издательства «Курская правда», установив деловой, товарищеский контакт с автором романа «Как закалялась сталь», имели возможность непосредственно убедиться в ярких большевистских качествах этого чудесного человека: скромности, чуткости, богатейшей работоспособности и глубокой самоскритичности.

Молниеносно разошелся тираж первого романа. Читатели ждали второго — «Рожденные бурей»: осаждали телефонными звонками, приходили перелистывать рукописи, титграфскую корректуру.

Печальная машина давала откаты неслыханно сложной новой книги, когда пришло сообщение о смерти ее замечательного творца.

С глубокой скорбью встретили эту весть

многочисленные друзья покойного. Ушел от нас человек, который дал образец величественной жизни, пример отдачи на благо социалистической родины.

«Мне очень больно подумать, — писал Николай Островский в письме к товарищу Сталину, — что в последних боях с фашизмом я не смог занять своего места в боевой цепи».

Нет, Николай Островский — товарищ, прекрасный человек, борющийся со своим страшным недугом. Жив, силен и страшен для врагов пламенный боец большевизма, жив в своих книгах, которые восторженно приняты на вооружение миллионов комсомолом, всей нашей молодежи, всей советской страной. Славный боец остается в железных рядах борцов за коммунизм.

Коллектив сотрудников редакции и издательства «Курской правды», Курский областной оргкомитет Союза советских писателей,

Создана комиссия по похоронам Н. Островского

Правлением Союза советских писателей Г. Лагуна, Е. Файнберга, Н. Асеева, СССР создана комиссия по похоронам писателя-орденоносца Н. А. Островского в составе гг. В. Стасюка (председатель),

ЦК ВКП(б) и правительство Украины со скорбью извещают о преждевременной смерти выдающегося молодого писателя Украины, автора известного романа «Как закалялась сталь», комсомольца-орденоносца тов. Н. А. Островского.

Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи с глубокой скорбью извещает всех членов комсомола и советскую молодежь о безвременной кончине пламенного большевика, горячо любимого, талантливого писателя-орденоносца, члена ВЛКСМ с 1919 года Николая Островского.

ЦК ВЛКСМ.

Михаил Кольцов

МУЖЕСТВО

Николай Островский лежит на спине, плашмя, абсолютно неподвижно. Одежда облеплена кругом длинного, тонкого, прямого ствола его тела, как постоянный, неснимаемый футляр. Мушкет.

Но в мушкет что-то живет. Да. Тонкие кисти рук — только кисти — чуть-чуть шевелятся. Они влажны при пожатии. В одной из них слабо держится легкая палочка с тряпкой на конце. Слабым движением пальцы заправляют палочку в рот, тряпка отнимает слюну, дерзко собравшись на уступах белого лица.

Живет и лицо. Страдая покусывая его черты, стерли краски, заострили углы. Но губы раскрыты, два ряда молодых зубов делают рот красивым. Эти уста говорят, этот рот спокоен, хотя и тих, он только очень редко дрожит от удивления.

Конечно, угроза войны на Дальнем Востоке очень велика. Если мы продадим Восточно-Китайскую, конечно, на границе станет немного спокойнее. Но вообще-то разве она не понимала, что опоздала воевать с нами? Ведь мы сильны и крепим все больше. Ведь наша мощь накопится и прибавится буквально с каждым днем. Вот на днях мне прочли из «Правды»...

Тут мы делаем новое страшное открытие. Невест, нет! Не воя голова этого человека живет! Два больших глаза своим тусклым, стеклянными блеском не отвечают на солнечный луч, на лицо собеседника, на строчку в газете. Ко всему — человек еще спит.

— Большинство речей писательского съезда я слышал по радио. Но должен сказать, многого в речах не хватало. Мало, по-моему, отражена была тема обороны. И по докладу Стасюка о работе с молодыми я ждал больше выступлений. Нам хотелось бы получить от более умелых товарищей их опыт: как рыскать по жизни, как находить интересное, ценное, какими глазами это все наблюдать...

Он говорит медленно, серьезно, следя ходу своей мысли, будничным тоном человека, не слишком воображающего о себе, но далекого и от чувств какой-нибудь отрешенности, непохожего ности, неравенства с другими людьми. Если сейчас вкочить и, волнуясь, сказать, что вот он сам, Николай Островский, есть интереснейший сюжет, что о нем давно должны были бы написать оптимистические литературные мастера, его должны были давно заметить прославлено зоркие писательские очи, — та-

кой порыв показались бы здесь, в комнате, неуместным, несерьезным, стоящим ниже спокойного, делового уровня нашей беседы.

Наша страна, любит героев, потому что это героическая страна. Охотно и шумно мы чтим своих героев, старых и новых, благо они не убывают. Что, ни день, крепкие и веселые, совершают советские люди чудеса храбрости и силы на дьянах, в прозрачных толщах стратосферы, на шахматных полях, на парашютных зонтиках, на беговых дорожках, в лыжных перекладах. Мы радуемся этим молодцам, разглядываем их на торжественных собраниях, на страницах журналов, на экранах кино — их бронзовые плечи, победные улыбки, слышим их звонкие голоса.

Но всех героев мы знаем. И не всех мы умеем замечать.

Коля Островский, рабочий мальчуган, был посмертно в станционном буфете первые годы революции на Украине. Хозяин и официанты воспринимали его как чужака. Но скоро парень нашел себе других воспитателей. В кровавой мешанине петлюровщины, германской и польской интервенции быстротой паренек оказался ловким и смелым помощником революционных рабочих. Прятал оружие, носил записки, пинял под носом у противника, приносил своей разведкой большую пользу красным партизанам. Потом пошел в конную армию и в комсомол, в передовые, в лучшие ряды украинского комсомола, того, что своей молодой, горячей кровью щедро жертвовал для освобождения родины.

В седле сражался Коля Островский у Киева, у Житомира, у Новоград-Волынского. Под Львовом в кавалерийской пехоте заступающим противником попал в плен. Глаза его «выпилило» мягким зеленым пламенем, громом ударило в уши, пришло каленым железом голову. Страшно, непонятно закружилась земля и стала поворачиваться, перекидываясь набок. Передняя черная голова Гнезда, тяжело ударила о землю...

Комсомольца вывели, поставили на ноги, пустили в жизнь, в работу. Вот он в Киеве, в глубоком. Собирает хлеб, воюет с бандами, заготавливает дрова, восстанавливает железную дорогу. Брюшной тиф валит с ног, но спит он с порога смерти вырывается в жизнь и опять работает уже пропагандистом, организатором, руководителем разрозненных комсомольских отрядов. На

столе выросла полка с книгами — Маркс, Впередовский с Горьким и Джеком Лондоном. В нем борется с прогудами, в атеизме с опозицией, в пригородной слободе с хунтами. И всюду одолевает, и всюду побеждает, и всюду встает вперед, молодой, стремительный, неутомимый. Вот он уже секретарь окружного комсомола, вот в Москве, на Всесоюзном съезде...

И вдруг против Коля Островского выступает новый, леденящий, страшный враг. Все предыдущие опасности по сравнению с этой кажутся детской забавой.

Ранение под Львовом, давно уже забытое, вдруг напоминает о себе злобными и таинственными симптомами. Видно, тиф подтолкнул этот процесс. Упадок сил, слабость.

Коля получает длительный отпуск. Крым. Санаторий. Напряженные головные боли. Нервозность. Врачи с трудом разбираются в болезни. Все-таки, когда путевка истекла, комсомолец возвращается в Харьков и просит нового назначения.

Он опять секретарь комсомола большого промышленного района. Первая речь на городском активе, потом вдруг авария с автомобилем, раздалось колесо правой ноги, операция. Опять отпуски.

Он пишет брату:

«Ты не прав, что так упорно отказываешься уходить с производства на работу председателя горсовета. Ты встал за власть? Так бери же ее. Завтра же бери горсовет и начинай дело».

Теперь о себе. У меня творится что-то неладное. Я стал часто бывать в госпитале, меня два раза порезали, пролило немало крови, потратено немало сил, а никто еще мне не ответил, когда этому будет конец... Нет для меня в жизни ничего более страшного, как выйти из строя. Об этом даже не могу и подумать. Вот почему я иду на все, но улучшения нет, а тучи все более сгущаются. После первой операции, я, как только стал ходить, вернулся на работу, но меня вскоре привезли опять. Сейчас получаю билет в санаторий «Маяна» в Евпатории. Завтра выезжаю. Не унывай, Артем, меня ведь трудно утратить. Жизнь у меня вполне хватит на троих. Мы еще работаем, братишка. Береги здоровье, не хватить по десяти чудов. Партия потом дорого обходится ремонт. Годы дают нам опыт, учеба — знания, и все это не для того, чтобы гостить по лазаретам».

Но именно то, самое страшное, чего боялся Коля Островский, поджидает его. Он подслушивает реплику профессора о своей судьбе:

— Этого молодого человека ожидает

трагедия неподвижности, и мы боимся ее предотвратить.

Начинает отниматься одна нога, потом другая, потом рука до кисти... Это в 24 года, когда жизнь пьянит всеми цветами и запахами, когда рядом любимая и любимая женщина.

Островский бьется, он хочет вырваться из дерзанных объятий парализа. Не согласен примириться с инвалидизацией. Простит какой-нибудь работы, не требующей движения. Может быть, редакционной, литературной. Нет, в редакции отказываются от него. Малокультурен, пишет с ошибками.

Вдобавок наступает самое чудовищное. Тухнет глаз, сначала один, потом другой. Наступает вечная ночь.

Самый короткий путь познания скрыт в янине ночного столба. Островский долго держит в руках холодную сталь револьвера... Нет, все-таки он не трус, а боец.

«Шлепнуть себя каждый дурак сумеет, весело и во всякое время. Это самый трудный и легкий выход из положения. Трудно жить — шлепайся! Ты все сделал, чтобы вырваться из железного кольца? А ты забыл, как под Новоград-Волынским семидесять раз в день в атаку ходили и взяли так наперекор всему? Спрячь револьвер и никому, никогда об этом не рассказывай! Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной».

Он делает последнюю штурмовую попытку спасти свое тело. В Москве делают сложнейшую, бесконечно длинную операцию, испробовав все возможные, изобретая все, вызывая паразитическую железу. Ничего не вышло.

И тогда, собрав на уцелевших живых клетках запасы жизненной теплоты, нервной энергии, мужества, он начинает новый длительный поход, завоевание места в рядах строителей социализма.

Друзья-комсомольцы оборудовали ему радио-наушники. Сделали дочку для писания вслепую. Читали ему вслух. Коля Островский взялся за литературу. Он надумал стать писателем. Решил добиться этого.

Не унывайте сострадательно. Это жалость. Почитайте-ка лучше дальше. Островский изучил грамматику. Потом художественную классическую литературу. Закончил и сдал работы по первому курсу заочного коммунистического университета. А затем начал писать книгу. Повесть о дивизии Котовского.

В процессе работы выучивал назусть слово в слово, чтобы не потерять нить. Иногда по памяти читал

Письмо Николая Островского

БИБЕВ. 23. Председатель ЦКЕ Союза ССР и ЦКЕ УССР тов. Г. И. Петровский вел переписку с писателем-орденоносцем Н. А. Островским. Ниже помещаем одно из писем тов. Островского.

«Дорогие Григорий Иванович и Доминика Федоровна!

Простите меня, непутевого, за молчаливость. Просту верить, что единственная причина — мое желание не надоедать вам. Нет хуже невыносимых людей...

Помню для провозки на открытом балконе. Свежий ветер с моря, теплый и ласковый. Жадно дышу и не надышусь. Хорошо здесь, на новом месте. Даже соловей по утрам заливается: устраивается на соседнем близ моего окна и застывает меня слушать себя. Только пост очень уж рано — в 5 часов, когда мне спать надо.

Работаю я поемному. Выполняю ваш совет. Чтобы быть успешным, должен приналадиться — много работать у меня просто нет сил. Через месяц первый том «Рожденные бурей» будет закончен.

Я приятно вам рукописи и, если у вас будет возможность, прочтите и скажете ваше слово.

Не жалейте суровых слов.

На сердце у меня глубокая грусть. Гибель Алексея Максимовича тяжело меня поразил. Я потерял покой и сон. Только смерть его показала нам, каким дорогим, каким родным был он для всех нас и как тяжела утрата. Остаток жизни прожит на каждого из нас, молодых, только что вступающих в литературу писателей. Большая грусть у меня на сердце, не разделяла она еще. Лажути рассказывал мне позавчера, что когда он гостил в конце апреля у Алексея Максимовича, то Горький работал над статьей о романе «Как закалялась сталь». Бакановы его мысли о жизни, я не знаю. Литературное наследство хранит эту дорогую и нужную для меня статью.

Как бы сурово ни критиковал меня великий мастер, но это самый дорогой и нужный для моего роста, для моего движения вперед документ.

Я и вся моя семья ждем вашего приезда. Приезжайте скорее, родные!

Крепко жму ваши руки.

Прощайте вам — Н. ОСТРОВСКИЙ.

1. VII. 36 г.

с. Сочи».

7-й ПЛЕНУМ ОБЛИСПОЛКОМА

О ремонте сельхозмашин к весеннему севу

22 декабря пленум обсудил доклад нач. обл. тов. Гусева о ходе ремонта сельхозмашин и инвентаря к весеннему севу.

Надо капитально отремонтировать 2200 тракторов и дать средний ремонт 4700 тракторам. В числе подлежащих ремонту — 355 «счабленицев».

На 10 декабря план четвертого квартала по ремонту выполнен всего на 8,5 процента, вышущено 233 трактора.

Касаюсь причин задержки ремонта тов. Гусев говорит, что большинство районов начали разгребать его только со второй половины ноября.

Вторая причина — несвоевременная и плохая подготовка мастеров к ремонту. Недуровская, Новосильская, Курская, фатежская мастерские и сейчас полностью не готовы, хотя они ремонт и начали.

На ремонте тракторов исключительно слабо развито станковское движение, борьба за освоение и выполнение новых норм выработки и за качество ремонта.

В Львовской МТС нет никакой индивидуальной ответственности, нет единственного учета выработки и заработка каждого рабочего.

Мастерские области не полностью укомплектованы рабочей силой. Необходимо 2800 человек, а работает всего лишь 1378 человек. К тому же вместо механиков-бригадиров в тракторостов первой категории ставят людей малоквалифицированных.

Ряд директоров МТС и МТМ пытается оправдать, срыв плана ремонта в четвертом квартале отсутствием запасных частей и денег. Тов. Гусев на конкретных примерах разбирает всю несостоятельность этих утверждений.

Директор Глазуновской МТС тов. Корнеев, как хороший хозяин, своевременно позаботился о запасных частях, о рабочей силе, правильно организовал труд. Он не посылает в службу снабжения о средствах, а собирает заработанные МТС деньги. Здесь еще к 10 декабря закончили капитальный ремонт полностью, а текущий на 85 процентов.

А вот Белгородская МТМ, которая должна была выпустить 80 тракторов, дала только 11, да и те пришлося забирать ввиду неадекватности ремонта.

Если плохо обстоит дело с ремонтом тракторов, то еще хуже с сельхозинвентарем (тракторные прицепы, сенокосы, плуги, культиваторы и т. д.). Ремонт инвентаря пока идет только в передовых колхозах и бригадах.

В Львовской и Комсомольской МТС (Суджанский район) все лето на усадьбах провалялись неотремонтированными плуги, хотя директоры этих МТС много раз ездили в службу и требовали, чтобы им завозили новые плуги.

После доклада тов. Гусева начались прения.

Директор Львовской МТС тов. Луковников останавливается на качестве ремонта тракторов. Накажут весеннего сева мастерскую премиями, а тракторы во время сева станут. Он требует обратить внимание на работу гусениц. Управлений гусениц тов. Захаров отпустил МТС для ремонта 100 тракторов всего из всего 18 подлинников.

Председатель Горьковского сельсовета, Советского района, тов. Захаров рассказывает, как обещали губит тракторы. В Горьковской МТС трактор перекомит из рук в руки. Поэтому нет присмотра. Наблюдается такое факты, когда тракторист уходит из совхоза, а в это время из трактора берется поршень и ставит на другую машину.

Тов. Захаров обращает внимание на необходимость завоза в отстоящий Советский район плугов, сенокос и культиваторов, которых в районе очень мало.

Тов. Степаненко (Новосильский район) говорит, что обзору не имеет точного учета — какой МТМ, что требуется для успешного выполнения ремонта. В результате, кто из директоров сумеет захватить, тот захватит даже и лишнее, пропалас, а другим ничего не достается.

Директор Касторенской МТС тов. Литвиненко заявляет об отсутствии оборудования в мастерской для ремонта машин «ТЗ».

Всего по докладу тов. Гусева высказалось 15 товарищей.

На 19 миллионов рублей комтоваров

Президиум областного исполнительного комитета Курской области 19 декабря срочно выпустил годовой план. Выпущено 1600 тысяч пар обуви. План по выработке верхнего кожаного товара выполнен на 17 процентов, а по подошвенно-стелечной — еще на 115 процентов.

Всего в 1936 году заводы и фабрики кожаного треста выпустили продукции на 19,2 миллиона рублей, получили около 8 миллионов рублей прибыли.

Стахановцы взяли обязательство выпустить сверх плана к 1 января на 800 тысяч рублей кожаной продукции.

«Молодая гвардия», 1935 год, № 4).